

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ НОРВЕГИИ

А. Я. Гуревич

Вопросы социально-экономического развития Норвегии, занимавшие второстепенное место в трудах норвежских историков XIX в., с начала текущего столетия постепенно выдвигаются на первый план. Господствовавшая прежде в буржуазной историографии выработанная П. А. Мунком и Э. Сарсом концепция истории средневековой Норвегии, согласно которой ее основную черту составляла борьба между аристократией и опиравшейся на народ королевской властью¹, служила препятствием для исследования развития хозяйства и общественных отношений, так как в свете ее нельзя было правильно понять судьбы крестьянства, как и других классов. Переключение внимания ученых на проблемы социально-экономической истории в этих условиях первоначально приняло форму анализа юридического положения различных слоев общества. К. Маурер, А. Тарангер, Э. Херцберг исходили из идеалистических позиций, согласно которым право не только адекватно отражает социальную действительность, но якобы и определяет ее².

Впоследствии, изучая экономическую жизнь Норвегии в средние века, некоторые исследователи пришли к выводу, что борьба между королем и знатью может быть понята только на основе анализа истории крупного землевладения и превращения свободных крестьян — собственников своих дворов — в поселенцев на чужой земле — лейлендингов³. В трудах этих ученых нашел освещение ряд вопросов истории крестьянства. Но для О. А. Йонсена, А. Бугге и других норвежских историков-позитивистов «экономический фактор» был лишь одной из многих причин исторических изменений. С подобных методологических позиций выдвинуть принципиально новое понимание истории средневековой Норвегии было невозможно.

Попытку по-новому осмыслить основные проблемы развития норвежского народа в средние века отчасти, в ограниченной мере, удалось осуществить историкам Эдв. Буллю и Х. Куту. Они отказались от прежних взглядов на характер отношений между королями и знатью и показали, что аристократия совместно с королевской властью эксплуатировала народные массы, прежде всего крестьянство. Эта эксплуатация в первую

¹ P. A. Munch. Det norske Folks Historie. I—IV. Christiania. 1852—1863; J. E. Sars. Udsigt over den norske Historie. I—IV. Christiania. 1873—1891.

² K. Maurer. Vorlesungen über altnordische Rechtsgeschichte. I—III. Leipzig. 1907—1908; A. Taranger. Udsigt over den norske rets historie. Forelaesninger Bd. I, II (1), IV. Christiania. 1898—1907; E. Hertzberg. Norges historie fremstillet for det norske folk. II. bd., 1. deel. Kristiania. 1915.

³ O. A. Johnsen. Norges bonder. Oslo. 1919; A. Bugge. Norges historie fremstillet for det norske folk. II. bd., 2. deel. Kristiania. 1916.

очередь и вызывала классовую борьбу в норвежском обществе⁴. Но будучи социал-демократами, реформистами в политике, Буль и Кут исказили марксистское понимание исторического процесса в ряде важнейших вопросов и не вышли за пределы буржуазного мировоззрения. Недаром сам Кут не называет свои взгляды материалистическими, предпочитая именовать их «экономическим пониманием истории»⁵.

В результате усилий многих исследователей изучены отдельные стороны социально-экономической истории средневековой Норвегии, вскрыты некоторые из ее специфических черт.

Однако серьезным препятствием на пути изучения общественного развития Норвегии в указанный период являются некоторые представления, укоренившиеся в буржуазной историографии и разделяемые, насколько нам известно, всеми норвежскими и западными историками, независимо от существующих между ними разногласий, которые не затрагивают существа вопроса. Считается общепризнанным, что в Норвегии в отличие от большинства европейских стран не существовало феодализма и что она всегда оставалась родиной свободного крестьянства⁶. В той или иной мере эта точка зрения распространяется буржуазными историками и на другие скандинавские страны⁷. По мнению норвежских ученых, лишь установление датского господства после заключения Кальмарской унии привело к появлению в Норвегии элементов феодализма. Правда, некоторые современные историки склонны обнаруживать «зародыши феодализма» в норвежском обществе XIII века⁸. Несколько более решительно, чем другие, это делает Х. Кут, который считает, что при датском господстве получили лишь дальнейшее развитие «ростки ленной системы», возникшие еще в XIII веке⁹. Однако все эти историки сходятся на том, что до XIII в. общественный строй Норвегии был «демократическим»¹⁰.

Таким образом, тезис об исключительности исторических судеб Норвегии и других скандинавских стран, выдвинутый еще в XIX в., несмотря на те или иные оговорки, разделяется всеми норвежскими историками и в настоящее время. Его политическое значение раскрывается и в работах Кута, несмотря на то, что он неоднократно декларировал мысль об общности развития Норвегии и остальной Европы. Кут проводит идею о том, будто бы в Норвегии на протяжении всего средневековья господствовали право и закон и всегда соблюдались традиции свободы¹¹. По его словам, Норвегия в прошлом была якобы страной «замечательной крестьянской демократии» и в новое время успешно развивает исторически сложившуюся

⁴ H. Koht. Norsk bonderesing. Oslo. 1926; его же. Innbygg og utsyn i norsk historie. Kristiania. 1921; Edv. Bull. Det norske folks liv og historie gjennom tidene. II. bd. Oslo. 1931; его же. Grunnriss av Norges historie. Oslo. 1938; A. Holmsen. Norges historie. I. bd. Oslo. 1939.

⁵ См. O. Dahl. Historisk materialisme. Historieoppfatningen hos Edvard Bull og Halvdan Koht. Oslo. 1952, s. 87.

⁶ M. H. Lie. Lensprincippet i Norden. Kristiania. 1907; O. A. Johnsen. Norwegische Wirtschaftsgeschichte. Jena. 1939, S. 47.

⁷ Eli F. Heckscher. An Economic History of Sweden. Cambridge, Massachusetts. 1954, p. 36—38; И. Андерссон («История Швеции». М. 1951, стр. 114—115), признавая с оговорками наличие феодализма в Швеции, в то же время подчеркивает, что в этой стране, «в отличие от всей Европы, крестьяне в средние века не потеряли своей свободы». А. Нильсен отрицает существование феодализма и зависимости крестьян в Дании вплоть до «эпохи меркантилизма» (A. Nilsen. Dänische Wirtschaftsgeschichte. Jena. 1933, S. 25, 41).

⁸ Edv. Bull. Det norske folks liv og historie... II. bd., s. 315; A. Holmsen. Problemer i norsk jordeiendomshistorie. «Historisk tidsskrift», 34. bd, 3. hefte. Oslo. 1947, s. 234—235.

⁹ H. Koht. Det nye i norderlendsk historie kringom år 1300. «Scandia», IV bind, 1931, s. 171—173, 182—183; H. Koht. På leit etter liner i historia. Oslo. 1953, s. 46—47, 49; cp. L. Musset. Les peuples scandinaves au Moyen Age. Paris. 1951, pp. 265—268.

¹⁰ A. Holmsen. Norges historie. I. bind. Oslo. 1939; H. Koht. Kong Sverre. Oslo. 1952, s. 68—69; H. Koht and S. Skard. The Voice of Norway. London. 1944, pp. 18, 21.

¹¹ H. Koht and S. Skard. The Voice of Norway, pp. 7, 18, 20, 21, 32, 34, 46, 47.

ся демократическую традицию. При этом следует отметить, что, говоря об отсутствии феодализма в Норвегии, буржуазные историки понимают под ним особую политическую структуру общества, а не способ производства.

Представление о Норвегии как о «нефеодальной» стране нашло свое отражение и в марксистской литературе¹². Эта точка зрения до сих пор не встречала возражений.

Но беспорна ли она в такой же мере, как и распространена?

Чтобы установить, существовали ли в действительности в Норвегии в период до Кальмарской унии отношения феодальной эксплуатации, необходимо в первую очередь рассмотреть положение трудящихся масс, крестьянства. В данной статье предпринимается попытка сформулировать иную, нежели выше изложенная, точку зрения на характер общественного строя Норвегии в тот период.

Однако в настоящее время в силу недостаточной изученности вопроса еще невозможно создать всесторонне обоснованную и полную картину социально-экономического развития средневековой Норвегии; автор статьи и не ставит перед собой подобной задачи. Мы хотели бы лишь заново кратко рассмотреть некоторые проблемы, так или иначе обсуждавшиеся ранее в научной литературе, но, по нашему мнению, не нашедшие удовлетворительного решения. Из этих проблем наиболее существенными представляются следующие: 1) характер отношений между крупными землевладельцами и крестьянами и положение последних; 2) особенности социального строя Норвегии в указанный период; 3) вопрос о социальных конфликтах в XII — начале XIII века. Каждая из перечисленных проблем заслуживает специального, углубленного исследования. Данная статья ограничивается лишь постановкой вопросов и намечает (предварительно) пути их решения.

В силу природных особенностей Норвегии земледелие получило в ней распространение в ограниченных размерах. Напротив, очень крупную роль в стране играло скотоводство, а также рыболовство и другие морские промыслы. Естественно, что в таких условиях оказалось невозможным распространение крепостничества с барщинным трудом. Норвегия не знала крупного барщинного поместья, в котором применялся бы подневольный труд крепостных. Крестьянин (бонд), каковы бы ни были его права на землю, вел хозяйство обычно в обособленном дворе, который являлся типичной для этой страны формой поселения в раннее средневековье, широко сохранившейся вплоть до наших дней¹³.

Несомненно, отмеченные особенности аграрного строя средневековой Норвегии в немалой степени определяли экономическое и общественное положение крестьян. Но в какой мере на этом основании можно говорить о свободе норвежского бонда в средние века? К сожалению, норвежские историки не дают достаточно точного ответа на этот вопрос. Судя по всему, большинство их понимает свободу средневековых бондов весьма широко: не только как отсутствие признаков крепостного состояния, но и как полноправие, обладание всеми правами лично независимого человека. К. Маурер называет крестьянина *Vollfreie*¹⁴. По утверждению С. Булина, скандинавские крестьяне в средние века «были свободны во всех отношениях» и держатели чужой земли отличались от земельных собственников тем, что не владели возделываемыми ими участками¹⁵.

¹² «История средних веков». Т. I. М. 1952, стр. 497—500; В. Ф. Семенов. История средних веков. М. 1956, стр. 282.

¹³ См. А. Я. Гуревич. Норвежская община в раннее средневековье. Сборник «Средние века». Вып. XI, 1958, стр. 5, сл.

¹⁴ К. Маурер. *Vorlesungen...* Bd. I, S. 121—124.

¹⁵ «The Cambridge Economic History of Europe». Vol. I. Cambridge. 1942, p. 488; ср. Н. Көһт. *The Scandinavian Kingdoms until the End of the Thirteenth Century*. «The Cambridge Medieval History». Vol. VI. Cambridge. 1929, p. 369.

Однако если отвлечься от юридических конструкций и рассмотреть вопрос по существу, то нетрудно убедиться в несостоятельности господствующей точки зрения. Хорошо известно, что в средние века утрата крестьянами собственности вела их во всех странах к подчинению власти крупных землевладельцев и к превращению в феодальных держателей.

Избежали ли такой судьбы норвежские бонды?

В Норвегии, как и во многих других странах Европы в раннее средневековье, определяющим социальным процессом были разложение общинно-родового строя и разрушение арханских форм землевладения, возникших в его недрах. Особенностью Норвегии являлась чрезвычайная медленность этого процесса. Долгое время, по-видимому, вплоть до VIII—IX вв., основной ячейкой в производстве оставалась патриархальная большая семья (семейная община), члены которой совместно владели земельным участком¹⁶. Таким образом, земля не превратилась здесь еще в частное владение, и пережитки собственности большой семьи (так называемое право одаля) сохранялись в течение многих столетий даже после фактического распада последней¹⁷. Право одаля, подробно регулируемое «областными законами», до известной степени гарантировало владельцев земли от окончательной ее утраты. Если собственник был вынужден отказаться от своего двора в пользу другого, то он обычно не продавал землю, а закладывал ее, сохраняя право выкупа; выкупить землю могли и его сородичи, обладавшие правом одаля. В случае продажи земли эти сородичи (одальмены) пользовались правом преимущественной покупки. Поскольку одаль еще не превратился в свободно отчуждаемую собственность, разорение бондов долгое время не принимало широких размеров, и не только в VIII—IX вв., когда начались разделы больших семей, но и в X — начале XI в. большинство крестьян, по-видимому, продолжало оставаться собственниками своих дворов.

Тем не менее распад домовых общин, равно как и появление большого числа новых индивидуальных хозяйств на вновь расчищенных землях¹⁸, имел следствием углубление имущественного расслоения среди бондов, которое в конечном счете вело к разорению части собственников, с одной стороны, и к увеличению размеров земельных владений богатейшей части одальменов — с другой. Раскопки погребений VIII—IX вв. свидетельствуют о возрастании богатства многих бондов: вместе с покойником (или с его прахом) в могилах обнаружено значительное количество предметов домашнего обихода, утварь, оружие, орудия труда и другие предметы, причем изделия из железа стали более многочисленными¹⁹.

Начавшийся переход от собственности больших семей к индивидуальному владению землей вызвал серьезные сдвиги в социальном строе.

¹⁶ Археологические данные, относящиеся к IV—VII вв., подтверждают этот вывод: в разных частях Норвегии, в особенности в юго-западном районе, обнаружены остатки больших жилых домов с площадью до 200 и даже 400 кв. м, иногда разделенных на несколько помещений. Стойла для скота, расположенные в этих же домах, были общие. См. J. Petersen. Gamle gårdsanlegg i Rogaland. Bd. I—II. Oslo. 1933—1936; S. Grieg. Jernaldershus på Lista. Oslo. 1934; A. Hagen. Studier i jernalderens gårdsamfunn «Universitetets oldsaksamlings skrifter». Bd. IV. Oslo. 1953; «Nordisk kultur XVII. Byggnadskultur». Stockholm. 1952.

¹⁷ F. Boden. Das altnorwegische Stammgüterrecht. Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung, 22. Bd. 1901; A. Taranger. The Meaning of the Words Øthdal and Skeyting in the Old Laws of Norway. Essays in Legal History, ed. by P. Vinogradoff. Oxf., 1913; J. Frost. Das norwegische Bauernrecht. Jena. 1938; А. Я. Гуревич. Большая семья в Северо-Западной Норвегии в раннее средневековье (по судебнику Фростатинга). Сборник «Средние века». Вып. VIII. 1956.

¹⁸ A. Bugge. Om hvorledes Norge var bygget i vikingetid og middelalder. «Historisk tidskrift». 5. Række. 4. Bd. 1920, s. 358—359, 441; M. Olsen. Farms and fanes of ancient Norway. Oslo. 1928, pp. 49—57, 117, 123.

¹⁹ H. Shetelig and H. Falk. Scandinavian Archaeology. Oxf. 1937, p. 260, 278; A. Holmsen. Norges historie, I bind (2. utgave). Oslo. 1949, s. 136.

В условиях ломки старых, патриархальных отношений владельцы, сохранившие наследственные двory, стремились оградить себя от растворения среди прочих собственников, не пользовавшихся более правом одаля. Поскольку это право предоставляло некоторые гарантии от полной утраты земли, а зажиточным людям давало возможность округлять свои владения, обладатели его попытались сделать приобретение права одаля более трудным. В результате в Вестланне (Западная Норвегия), где рано стал ощущаться недостаток в земле и развилась торговля, вследствие чего распалась большая семья и сопровождавшая его имущественная дифференциация шла особенно быстро, одалымены добились изменения условий, необходимых для приобретения права одаля на земельное владение: в то время, как прежде одалем считалась земля, переходившая по нисходящей мужской линии в трех поколениях²⁰, отныне требовалось доказать наличие ее в собственности уже у пяти поколений родичей. Затрудняя доступ в свой круг, одалымены стали на путь обособления от остального свободного населения и со временем приобрели некоторые привилегии, связанные с землевладением: только владельцы одаля могли выступать в судебных тяжбах из-за земли и в некоторых других случаях, они были защищены более высокими вергельдами, штрафами и возмещениями. Вследствие этого остальные свободные люди, не обладавшие правом одаля, постепенно утрачивали полноправие.

Свободное население оказалось не только имущественно неоднородным, но начало расслаиваться и в социальном отношении. Привилегированные одалымены получили название хольдов. Термин этот первоначально обозначал храброго, сильного человека, но впоследствии стал указывать на более высокое общественное положение его носителя по сравнению с простыми бондами. Недаром хольдов называли «лучшими бондами». Главное отличие их от простых бондов состояло в том, что хольды оказались обладателями наследственной земельной собственности — одаля, тогда как другие крестьяне владели землей, на которую не распространялось это право (то есть дворами, сравнительно недавно созданными на расчищенных землях или приобретенными не по наследству, а купленными или иным способом отчужденными), либо вовсе были лишены земельной собственности и пользовались на каких-то условиях чужой землей²¹.

Различие между хольдом и бондом не зависело непосредственно от имущественного положения: оно определялось не только наличием или отсутствием земельной собственности, которой часть бондов была уже лишена, но прежде всего характером этой собственности. Тем не менее, поскольку приобретение или сохранение права одаля и связанных с ним прав хольда было возможно лишь для людей, семьи которых на протяжении ряда поколений непрерывно владели своим двором, среди хольдов постепенно стали преобладать зажиточные собственники, и, напротив, владельцы, оказавшиеся неспособными долго сохранять двory из-за своей бедности, не имели возможности перейти в разряд хольдов или остаться в нем. Поэтому хольды в конце концов образовали верхушку крестьянства, отличающуюся от основной массы не только полноправием и наследственным характером своей земельной собственности, но также и размерами своих владений.

Норвежские и немецкие историки, занимавшиеся вопросом о хольдах, обращали главное внимание на то, обладали ли последние определенными правовыми преимуществами и привилегиями (повышенные вер-

²⁰ После этого земля становилась собственностью большой семьи, обычно состоявшей из трех поколений сородичей по мужской линии.

²¹ K. Maurer. Die norwegischen hölðar. «Sitzungsberichte der königl. bayer. Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-philologische Classe». Bd. II, Heft II. München. 1890.

гельды, штрафы, возмещения и т. п.), и изображали хольдов в виде сложившегося, обособленного юридического сословия²². В действительности выделение хольдов из среды бондов было далеко не полным, о чем свидетельствуют как записи обычного права, так и саги, продолжающие терминологически включать хольдов в число бондов. Вместе с тем эти градации были результатом начинавшегося в норвежском обществе процесса классовобразования. Закрепление правом юридических привилегий хольдов, которое произошло, по-видимому, в X в., создавало известные предпосылки для превращения их в сословие. Однако этот процесс ни в раннее средневековье, ни в более поздний период так и не завершился. Еще в начале XIII в. исландский историк Снорри Стурлусон давал следующее определение хольдов: «...это такие бонды, которые получают возмещение сообразно происхождению или полное возмещение»²³. Закон Магнуса Лагаботира (70-е годы XIII в.) также не обособлял полностью хольдов от бондов. В XIV в. хольды перестали существовать как определенная социальная группа. Некоторые из них превратились в мелких дворян, большинство же составило верхушку крестьянства, частично утратив былые юридические привилегии.

Возвращаясь к раннему средневековью, нужно отметить, что выделение общественной верхушки хольдов, происходившее одновременно с возвышением предводителей — хавдингов, искавших возможностей обогатиться и укрепить свою власть, — послужило основой для необычайно широкой внешней экспансии Норвегии вместе с другими скандинавскими странами с конца VIII в., продолжавшейся с неодинаковой силой более двух столетий.

Большинство историков, писавших о походах викингов, указывало на перенаселенность приморских областей как на основную причину этих экспедиций. Действительно, численность населения в связи с ростом производительных сил, освоением новых земель и созданием большого количества сельских усадеб значительно возросла; между тем возможности для дальнейших расчисток земель под пашню в западной и южной частях страны были быстро исчерпаны. Поэтому многие обездолженные люди принимали участие в походах за море и переселялись в другие страны. Однако инициаторами экспедиций и их главными участниками явились наиболее богатые и могущественные собственники, которые отнюдь не страдали от недостатка жизненных средств и земли. Захватывая в подчиненных ими странах подчас обширные земельные владения, они стремились еще более обогатиться. Походы викингов ускорили процесс образования классового общества в скандинавских странах.

Богатства норвежских хавдингов в этот период возросли, вожди еще более возвысились над простыми бондами, социальное расслоение которых, начавшееся задолго до походов викингов, углубилось. Сложилась ситуация для появления государственной власти в Норвегии, и она возникла именно в «эпоху викингов». Как и у других народов Западной Европы, создание государства в Норвегии приняло форму объединения страны под властью одного вождя. Однако если у франков, англо-саксов и других племен государство возникло в ходе завоевания римской территории, на которой они поселялись, то в Норвегии оно появилось в период завоеваний чужих земель, колонизируемых частью населения, покидавшего родину. Возвращаясь в свою страну, разбогатевшие викинги стремились использовать свое могущество для установления господства над крестьянами.

В конце IX в., когда имущественная и социальная дифференциация в Норвегии пошла ускоренными темпами, окрепла общественная верхушка

²² Помимо названных выше работ, см. Ph. Heek. Die Gemeinfreien der Karolingischen Volksrechte. Halle a. S. 1900, Anhang IV.

²³ Snorri Sturluson. Edda. Udgitt af Finnur Jónsson. Kobenhavn. 1900. Skáldaskaparmál, k. 50 (53).

и начала складываться государственная власть,—завершился дофеодальный период истории Норвегии²⁴. Начался новый этап ее развития, который можно назвать раннефеодальным. Острые конфликты, раздражавшие норвежское общество в процессе создания государства, сопровождались перемещением собственности из рук в руки. Определяющей чертой аграрной истории XI—XII вв. были возникновение и укрепление крупной земельной собственности. Однако данный процесс изучен чрезвычайно слабо, гораздо лучше известны его результаты. В начале этого периода основу общества еще составляли бонды. Но термином «бонд» обозначались теперь представители весьма различных слоев населения. Наряду с бондами, владевшими дворами, в которых они вели самостоятельное хозяйство, и богатой, аристократизировавшейся верхушкой складывалась широкая категория людей, лишившихся собственной земли и принужденных брать для обработки чужую землю. Этих бондов стали называть лейлендингами — поселенцами на чужой земле. В современной научной литературе их обычно считают «арендаторами»²⁵.

Такая трактовка отношений между «одалиживающими» землю и ее собственниками, на наш взгляд, не точна терминологически и неправильна по существу. Исходя из нее, буржуазные историки игнорируют подлинную специфику аграрного строя средневековой Норвегии, после чего уже нетрудно говорить о преобладании в ней свободного крестьянства, отсутствии феодализма и т. д. В понятия «аренда», «арендатор» эти историки вкладывают чуждое средневековью содержание и исходят из предположения, что отношения между земельным собственником и крестьянином-лейлендингом строились как свободные, договорные отношения лично независимых друг от друга и юридически равноправных лиц. По нашему убеждению, отношения между лейлендингом и землевладельцем в средневековой Норвегии не имели ничего общего с подобным пониманием.

В источниках, по которым преимущественно приходится изучать положение лейлендингов в раннефеодальный период, — «областных законах» Фростатинга и Гулатинга, имеются постановления, относящиеся к разному времени. Наряду с раздлами и титулами, содержание которых относится, вероятно, к X—началу XI в., эти правовые сборники отражают изменения, происшедшие в XII—XIII вв. в связи с ростом крупного, в том числе церковного, землевладения. До конца XIII—начала XIV в. держательские отношения не оформлялись письменным договором, и мы ничего не знаем о содержании конкретных сделок между собственниками и лейлендингами²⁶. Поэтому полностью выяснить развитие слоя лейлендингов довольно трудно. Тем не менее нам представляется возможным наметить две стадии эволюции этих отношений.

На первом, более раннем этапе (примерно до X — первой половины XI в.) особого слоя лейлендингов еще не существовало, он только начинал складываться. Постановления о сдаче земли лейлендингу говорят о годовом (в Вестланне — Юго-Западной Норвегии) и трехлетнем (в Треннедаге — Северо-Западной Норвегии) сроке держания (G. 72; F. XIII, 1)²⁷.

²⁴ В настоящей статье этот период, по существу, не рассматривается, за исключением лишь нескольких приведенных выше замечаний. Мы хотим установить некоторые черты своеобразия феодального строя в Норвегии. Разложение общинно-родовых порядков, изучение которых именно на норвежском материале представляет большой интерес,—особая и обширная тема.

²⁵ O. V ü c h n e r. Die Geschichte der norwegischen Leiländinger. Bd. I. Berlin. 1903; E. H e r t z b e r g. Norges historie fremstillet for det norske folk. II bind, 1. deel; O. A. J o h n s e n. Norges bonder.

²⁶ Соглашение было устным и заключалось при свидетелях. В знак согласия с условиями сделки стороны ударяли по рукам (F. XIII, 3). См. миниатюру в рукописи раздела «Законов Магнуса Лагаботира» (1274) о сдаче земли. O. A. J o h n s e n. Norges bonder, s. 114.

²⁷ Сокращениями F. и G. обозначаются ссылки на «Законы Фростатинга» (Frosthingslov) и «Законы Гулатинга» (Gulathingslov). Изд. R. K e y s e r og P. A. M u n c h. Norges gamle love. I. Bd. Christiania. 1846.

Законы устанавливали день, когда лейлендинг должен был покинуть усадьбу, в которой он жил; в них довольно живо описана смена старого держателя новым. Вряд ли приходится сомневаться, что многие из лейлендингов в действительности получали землю на короткое время. Это объяснялось, по-видимому, тем, что на ранней стадии развития держательских отношений они часто возникали между бондами, причем сдававшие землю крестьяне не отличались по своему имущественному положению от снимавших ее.

Это видно из предписания «Законов Гулатинга», обязывавшего одалымена, лишённого возможности обрабатывать свою землю, предложить ее в первую очередь сородичам (G. 88). Простые бонды, естественно, не сдавали землю в длительное пользование другим лицам, ибо в противном случае ухудшение и без того непрочного имущественного положения могло бы привести их к разорению. В праве Треннелага, области, в которой социально-экономические изменения происходили особенно медленно, предусматривались случаи, когда собственник лишался своего двора и был вынужден расторгнуть соглашение с лейлендингом с тем, чтобы самому обрабатывать землю (F. XIII, 2). Иными словами, перед нами бонд, владевший, по-видимому, двумя усадьбами, в одной из которых он хозяйствовал сам, а другую уступал лейлендингу. Кроме того, спрос на землю при быстром росте населения, распаде больших семей и ограниченных возможностях подъема новых участков был очень велик. Законы предусматривали возможность споров между людьми, получившими одну и ту же землю от собственника или стремившимися взять ее без законного основания; упоминались случаи, когда земельный собственник отказывался передать владение под обработку человеку, с которым он уже заключил соглашение; наконец, имел место и прямой захват земли (G. 77, 78; F. XIII, 1, 17 и др.). В этих условиях владельцы, сдававшие землю, не были заинтересованы в соглашениях о передаче усадеб на длительное время. Краткосрочное соглашение давало им возможность изменять условия держания в зависимости от конкретных обстоятельств.

Недостаток земли и распространение межкрестьянских поземельных отношений, на наш взгляд, и обусловили краткосрочность держания лейлендинга. Но это вовсе не означало, что в действительности каждый год или каждые три года держатели менялись. Право предусматривало необходимость лишь перезаключения сделки. Если лейлендинг принимал новые условия держания или они сохранялись в прежнем виде, он мог остаться в том же дворе. Фактически лейлендинги сидели в занимаемых ими усадьбах в течение всей своей жизни и даже из поколения в поколение. Особенно характерно это было для тех крестьян, которые сделались лейлендингами в усадьбах, являвшихся первоначально их собственностью, но перешедших затем в руки других владельцев.

Напомним известный рассказ в «Саге об Улаве Святом» о Хареке с острова Тьотто. «На Тьотто жило тогда [в начале XI в.] много мелких бондов. Харек купил сперва одну не очень большую усадьбу и завел в ней свое хозяйство. Но в течение нескольких лет он вытеснил всех других бондов, которые там жили прежде, так что теперь он один владел всем и создал крупное хозяйство» (гл. 104). Приходится предположить, что крестьяне, лишившиеся собственности на свои дворы, остались в них в качестве лейлендингов Харека. Менять хозяев на острове, все земли которого оказались в руках богатого хавдинга, было невозможно. В условиях натурального хозяйства и слабого развития земледельческой техники эти отношения неизбежно принимали характер традиционных. Но так как, по закону, держание было краткосрочным, то землевладелец мог изменять его условия и увеличивать платежи, взимаемые с участка.

Отношения эксплуатации стали полностью выявляться в тот период, когда лейлендинги оказались на землях крупных собственников — короля, светских хавдингов, церкви. Этот второй этап начался, по-видимому,

с конца XI в.; он отражал серьезные сдвиги в норвежском обществе. В постановлениях «областных законов», относящихся уже к XII — началу XIII в., в качестве землевладельцев, сдававших землю держателям, фигурируют представители именно аристократической части общества (см. F. XIII, 3, 14, 15; XIV, 1, 2, 8 и др.). В более позднее время, когда церковные собственники в специальных документах начали фиксировать условия сдачи земли, оговаривалось пожизненное и даже наследственное держание²⁸. Однако законы и в XIII в. (в том числе «Ланслов» короля Магнуса Лагаботира) исходили из того, что сделка между лейлендингом и собственником ограничивалась максимально тремя годами²⁹. Практика поземельных отношений давно уже далеко разошлась с буквой закона, но последний мог быть использован крупными землевладельцами для усиления эксплуатации держателей³⁰.

Поскольку держатель не был прикреплен к земле, сохранял личную свободу и вел обособленное хозяйство, собственник не был заинтересован в закреплении этого хозяйства за крестьянином. Краткосрочность соглашения лишала лейлендинга такой возможности и гарантировала землевладельцу его права. Складывавшийся в Норвегии класс крупных земельных собственников упорно держался за правило о краткосрочности держания с тем, чтобы не допустить укрепления владельческих прав крестьян на землю.

Отсутствие собственной земли и краткосрочность держания делали лейлендингов беззащитными перед крупными собственниками. Право держателя на пользование землей не было юридически обеспечено. Сохраняя личную свободу, лейлендинги не обладали главной ее основой — экономической самостоятельностью. В феодализировавшемся обществе отношения между ними и крупными землевладельцами становились по своему содержанию не договорными — арендными, в том смысле, в каком они рисуются буржуазным историкам, а отношениями господства и подчинения, хотя внеэкономический момент и играл здесь гораздо меньшую роль, чем в отношениях между крепостными крестьянами и помещиками в других странах Европы. Некоторые из современных норвежских исследователей аграрной истории начинают в какой-то мере отходить от господствующего мнения о «чисто договорном характере» отношений между земельными собственниками и лейлендингами. Так, А. Хольмсен пишет об «усложнении» этих отношений и приобретении ими «отпечатка личной зависимости»³¹.

В тот период, когда лейлендинги стали получать землю преимущественно от крупных собственников, на них были возложены новые, дополнительные тяготы. Помимо ежегодной ренты, землевладельцы заставляли платить различные единовременные поборы, взносы при перезаключении сделок, приносить угощения, исполнять некоторые повинности и т. д. Все эти платежи и службы, как правило, не обусловленные соглашением о держании, являлись результатом прямого принуждения со стороны могущественных собственников³². К этому следует добавить, что среди лейлендингов было много вольноотпущенников и их потомков, продолжавших на протяжении ряда поколений оставаться в зависимости от своего бывшего господина и его семьи и лишенных многих прав свободного человека, которыми формально пользовались в какой-то мере лейлендинги из свободных.

²⁸ O. A. Johnsen. Norges bonder, s. 114, 175—176.

²⁹ R. Keyser og P. A. Munch. Norges gamle love. II. Bd. Christiania, 1848. Den nyere Lands-Lov, VII, 1.

³⁰ Даже в тех постановлениях, где говорится о годичном держании, можно обнаружить указания на то, что фактически оно было длительным. Имеются и прямые оговорки о длительности держания. См. G. 73, 75; F. XII, 8; XIII, 2—4; XIV, 2, 8.

³¹ A. Holmsen. Problemer i norsk jordeiendoms historie... s. 234.

³² См. S. H a s u n d. Det norske folks liv og historie gjennom tidene. III bind. Oslo, 1934, s. 38, 126—127.

Однако личная свобода лейлендинга имела мало общего с полноправием, так как в целом ряде случаев его правоспособность была ограничена: он не мог выступать в судебных тяжбах, касавшихся земельной собственности, отсутствие своего владения делало невозможным его участие в исполнении многих общественных обязанностей и пользование определенными правами. В спорах, возникавших в связи с держанием, закон все преимущества отдавал собственнику (F. XIII, 1; XIV, 1; G. 72 и др.). С XII в. лейлендинги были отстранены от участия в высших судебных собраниях — областных тингах (лагтингах) в связи с сокращением числа бондов, которые сюда посылались.

Господствующей формой земельной ренты, которую платили лейлендинги, была рента продуктами. Эта форма получила распространение в Норвегии в условиях слабого общественного разделения труда, преобладания натурального хозяйства, крайне медленного развития производства. Рента продуктами обычно не сопряжена с развитой системой внеэкономического принуждения и оставляет крестьянину известную хозяйственную инициативу. Вследствие того, что в Норвегии в силу указанных выше особенностей барщинное хозяйство не могло развиваться, у земельных собственников не возникало потребности в прикреплении держателей к земле³³. С другой стороны, господствующий класс Норвегии, менее могущественный, чем в других странах, в обстановке медленного разложения общинно-родового строя и длительного сохранения некоторых его институтов встречал сильнейшее сопротивление со стороны крестьян. Поэтому лейлендинги не были закрепощены, и это составляет важную черту социально-экономической истории Норвегии.

Было бы неправильно ставить знак равенства между феодально-зависимыми крестьянами западноевропейских стран средневековья и норвежскими лейлендингами. Крупные землевладельцы Норвегии не располагали многими из тех средств внеэкономического принуждения, которыми пользовались феодалы в других странах (вотчинный суд, иммунитет и т. д.), и это не могло не сказаться на положении бондов. Отсутствие барщинной эксплуатации делало хозяйство лейлендинга более независимым от феодала, чем хозяйство крестьянина, обязанного выполнять отработочные повинности. Из-за того, что процесс классового образования в XI и XII вв. не был завершен, не сложились сословные градации, сделавшиеся более определенными в XIII в., и держатели частично сохраняли свои личные права и свободу. Но это не отменяло основного: лейлендинг находился в зависимости от собственника земли, на которой он вел свое хозяйство. Зависимость выражалась в уплате ренты, изменявшейся по воле собственника, в правовой неопределенности держания, с которого лейлендинг мог быть согнан, в гражданском неполноправии и сословной приниженности.

Памятники права, естественно, не могут в силу своего характера отразить произвола земельных собственников, от которого страдали лейлендинги. Но из саг, рисующих подчас повседневную жизнь норвежцев и исландцев в XI—XII вв., видно, что человек, живший на земле другого, находился в его власти. Бедный люд, впавший в экономическую зависимость от богатых и могущественных владельцев, принужден был, помимо ежегодных платежей, делать им подарки, исполнять повинности по их приказанию. Стурмены («сильные люди») пользовались услугами и помощью поселенцев, сводя счеты со своими противниками (кровная месть была заурядным явлением в быту скандинавов того времени), и вели себя как неограниченные повелители в принадлежавших им владе-

³³ Вотчина в средневековой Норвегии представляла собой совокупность часто разбросанных на обширной территории крестьянских дворов, с которых поступала рента. Домен отсутствовал либо представлял собой отдельный двор, немногим превосходивший по размерам крестьянскую усадьбу. Здесь использовался труд слуг, рабов, вольноотпущенников, а зачастую и членов семьи собственника.

ниях. Не только лейлендинги, но и все мелкие бонды, жившие по соседству с таким стурменом, не могли ему ни в чем перечить.

Решающее значение в социальной действительности средневекового общества имел не закон, формально признававший личную свободу лейлендингов, а право «сильного», то есть богатого, влиятельного и родовитого собственника. Саги не оставляют сомнения в том, что стурмены мало считались с законами, так как они всегда оставались безнаказанными и к тому же господствовали на местных тингах.

В свете изложенного очевидно, что сущность отношений между крупными земельными собственниками и лейлендингами — это феодальная эксплуатация.

Кроме лейлендингов, существовало много людей, не имевших никакого хозяйства и служивших работниками у землевладельцев, в усадьбах которых они жили. Среди них, помимо свободных, имелись рабы и вольноотпущенники, причем различие между свободными и рабами не всегда имело существенное значение в повседневном быту. Гораздо заметнее проявлялась противоположность между бондом — самостоятельным хозяином и человеком, находившимся в услужении. Но и эти «свободные работники» отнюдь не были свободны. Не говоря уже о крайней нужде, заставлявшей их вступать в состав челяди, нужно иметь в виду также то обстоятельство, что под давлением зажиточных собственников, заинтересованных в чужом труде, государственная власть под угрозой наказаний обязывала всех бедняков, не имевших собственного хозяйства, искать хозяев. И здесь принуждение играло существенную роль³⁴.

Эксплуатация рабов, вольноотпущенников, лейлендингов, слуг, получившая распространение в X—XI вв., сочетала в себе элементы патриархального рабства с зачатками феодального крепостничества. С конца XI в., когда большинство бондов начало утрачивать право собственности на свои дворы и превращаться в лейлендингов привилегированной верхушки — короля, церкви, светских хавдингов, их зависимость приобрела определенные черты антагонизма между классами феодальных держателей и крупных феодалов³⁵.

Насколько распространенной в этот период была эксплуатация держателей, видно из предписания «Законов Фростатинга», гласящего, что всякий земельный собственник должен иметь управителя, который ведал бы его владениями, сдавал их лейлендингам и собирал с них ренту (F. XIV, 1). Под землевладельцами подразумевались здесь лишь крупные привилегированные собственники, основная же масса бондов рассматривалась автором данного постановления в качестве держателей³⁶.

Расширению слоя лейлендингов в немалой мере способствовало установление королем собственности на все общинные угодья — альменнинги, вследствие чего крестьяне, расчищавшие здесь участки, превращались в держателей короля, обязанных платить его управителям ренту (F. XIV, 8). Если учесть, что в XII—XIII вв. в Норвегии происходила значительная внутренняя колонизация, то станут понятными ее социальные последствия. Изданный в 70-е годы XIII в. общенорвежский свод законов («Ланслов Магнуса Лагаботира») ставит знак равенства между держателем — лейлендингом и бондом. Среди специалистов по аграрной исто-

³⁴ Во «Всемирной истории» (т. III, стр. 690) справедливо отмечается, что «Скандинавии стала присуща своеобразная форма внеэкономического принуждения — принужденные малоземельных и неимущих сельских жителей к труду по найму у крепких хозяев». Ср. «The Cambridge Economic History of Europe». Vol. I, p. 487.

³⁵ См. Edv. Bull. Det norske folks liv og historie gjennem tidene, II bind, S. 124.

³⁶ Предположение, что всякий собственник получает со своей земли ренту — ландскюльд, — лежит в основе и ряда других постановлений поздней редакции «Законов Фростатинга». Само собою разумелось, что на земле, которую собирался выкупить одалымен, сидели лейлендинги (F. XII, 8). При разделе имущества супруги делили ландскюльд, поступающий с их земли (F. XI, 5). С заложенной собственником земли шла рента, так как вся земля считалась разделенной между держателями (F. XII, 2) и др.

рии Норвегии не возникает разногласий относительно того, что в это время большинство норвежских крестьян были лейлендингами³⁷.

Изменения, которые произошли в положении лейлендингов в XI—XIII вв., как в фокусе, отразили коренные сдвиги в социальных отношениях в Норвегии этого периода. На смену свободным самостоятельным земледельцам — бондам пришел класс зависимых держателей, эксплуатируемых крупными феодальными собственниками и государством. Этот факт показывает полную несостоятельность теории «исключительности» развития средневековой Норвегии.

Своеобразие социально-экономического развития средневековой Норвегии (и в известной мере других скандинавских стран) заключается, по нашему мнению, не в том, что она якобы оставалась страной свободного крестьянства, а в том, что там длительно сосуществовали разные общественные уклады: пережитки общинно-родового строя, связанного с частичным сохранением мелкой земельной собственности и института одаля; рабство³⁸, которое вследствие живучести эксплуатации вольноотпущенников и кабальных должников³⁹ отнюдь не утратило своего значения с исчезновением рабов к концу XII в.; феодальный уклад, укреплявшийся за счет разложения других форм общественных отношений. Многоукладность экономической жизни не является специфически норвежским явлением, но чрезвычайная устойчивость здесь этого (в других странах переходного) состояния обращает на себя внимание. В немалой мере многоукладность, пестрота общественных отношений вызывалась в Норвегии различиями в развитии отдельных областей. Вик и Упланн — юго-восточная часть страны — существенно отличались от Вестланна, западных областей Норвегии, и от Треннелага — северо-запада. В Вике, и в особенности в Вестланне, ломка старых устоев совершалась быстрее, чем на севере или на окраинах, на шведской границе. Природные условия, трудности сообщения между областями, различия в связях с внешним миром, вмешательство соседних держав и прежде всего слабое развитие товарно-денежных отношений внутри страны закрепляли пестроту социальной жизни в Норвегии на протяжении всего средневековья. Но с XII в. уже можно говорить о преобладании феодального уклада.

Исходя из отсутствия крепостной зависимости крестьянства, иммунитета и вотчинного суда в руках крупных феодалов, неразвитости системы вассалитета и иерархии, а также из того, что страна не пережила стадии раздробления на самостоятельные лены, буржуазные историки утверждают, что в Норвегии не было феодализма, и подчеркивают «исключительность» ее исторических судеб. Однако главный, самый существенный в феодальном строе момент — присвоение крупными земельными собственниками прибавочного труда крестьян, ведущих свое хозяйство, — мы наблюдаем в качестве господствующей формы производственных отношений и в средневековой Норвегии. Нам представляется более правильным говорить не о «недоразвитости» или «нетипичности» скандинавского феодализма, а об определенном его своеобразии. Поми-

³⁷ A. Holmsen. *Problemer i norsk jordeiendomshistorie.*, S. 233—234; O. A. Johnsen. *Norwegische Wirtschaftsgeschichte*, S. 58—67; ср. «The Cambridge Economic History of Europe». Vol. I, p. 492.

³⁸ О «патриархальном» рабстве применительно к скандинавам можно говорить только в том случае, если мы откажемся связывать с этим понятием представление о «мягком» отношении к рабам. См. C. O. Williams. *Thralldom in Ancient Iceland*. Chicago, 1937.

³⁹ K. Maurer. *Die Freigelassenen nach altnorwegischen Rechte*. Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen Classe der königlichen bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. Heft 1, 1878; K. Maurer. *Die Schuldknechtschaft nach altnordischem Rechte*. Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen Classe der königlichen bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München, 1874.

мо уже охарактеризованных особенностей положения лейлендингов, нам хотелось бы отметить некоторые другие специфические признаки норвежского феодализма (при этом мы не претендуем ни на полноту, ни на исчерпывающий характер оценок, которые даются в статье этим явлениям).

При медленных темпах разложения старинных отношений землевладения аристократическая верхушка общества, возвысившаяся в эпоху викингов, долго не могла подчинить своей власти значительную массу бондов. Ее богатства и могущество основывались в тот период не только на эксплуатации лейлендингов, но и на рабовладении, получившем большое развитие у скандинавов, на морской торговле, тесно переплетавшейся с грабежом и пиратством, на военных экспедициях в чужие страны, откуда викинги вывозили всякого рода богатства (в том числе и рабов) и которые они облагали данью и контрибуциями.

Между тем уже достигнутый в IX—X вв. уровень общественного развития послужил основой для возникновения государственной власти. Харальд Прекрасноволосый объединил страну, и хотя это объединение было временным и непрочным, все же оно свидетельствовало о наличии в Норвегии общественного слоя, заинтересованного в создании королевской власти, поддерживавшего ее и нуждавшегося в ее содействии.

В буржуазной историографии на первый план выдвигаются противоречия между королями и знатыми предводителями — хавдингами, недовольными посягательствами на их самостоятельность. Однако Эдв. Булль и Х. Кут доказали, что значительная часть знати перешла на службу к монарху⁴⁰.

Вопреки распространенной среди норвежских историков точке зрения, что королевская власть в X—XI вв. опиралась на свободных бондов, изучение источников дает право утверждать, что она пользовалась поддержкой не крестьян, а хавдингов и верхушки бондов — хольдов, слоя, имевшего тенденцию к феодализации. Саги рассказывают, что короли старались сотрудничать с такими могущественными бондами, пользовавшимися большим влиянием на местных жителей. Король Улав Харальдссон (Святой), как и другие правители X—XI вв., возвышал выходцев из верхушки бондов в противовес оппозиционной части знати⁴¹.

Значительная часть представителей складывавшегося господствующего класса группировалась вокруг короля, занимая положение его дружинников и иных служилых людей; наиболее влиятельные собственники делались королевскими лендерменами, представлявшими власть короля в отдельных округах — фюльках и областях. Личные владения знати еще не были настолько велики, чтобы составить основу ее могущества; между тем бонды в своей массе сохраняли пока самостоятельность. В этих условиях эксплуатация крестьянства государством приобретала для неокрепшего, собственно, только формировавшегося класса феодалов важнейшее значение.

Уже первые норвежские короли, как, по-видимому, и некоторые из их предшественников — конунгов отдельных областей, собирали с населения дани. Судя по недостаточно ясным в этом отношении показаниям саг, в Норвегии в X—XI вв. получило распространение поголовное обложение в натуральной форме.

В отличие от франкских и некоторых других королей варварских государств на континенте Европы, унаследовавших остатки римской налоговой системы, скандинавские правители, подобно англо-саксонским государям, воспользовались сохранившимся на Севере древним обычаем приносить вождям подарки, превратив их в обязательную дань. Для сбора дани и управления страной норвежские короли в сопровождении дру-

⁴⁰ H. Koht. Harald Hårfagre of rikssamlinga. Oslo. 1955.

⁴¹ J. Schreiner. Tradisjon og saga om Olav den Hellige. Skrifter utgitt av den Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. Historisk-filosofiske Klasse. 1926.

жинников разъезжали из фюлька в фюльк, останавливаясь в своих усадьбах. Сюда бонды, населявшие этот округ, свозили продукты, необходимые для содержания государя и его свиты⁴².

Численность королевских слуг постоянно росла, а вместе с ней увеличивались и дани с бондов. Потребность королей в собираемых с сельского населения продуктах была так велика, что они не останавливались перед нарушением старинных обычаев, воспрещавших посещение одной и той же местности с целью «кормления» чаще одного раза в несколько лет. Бывали случаи повторного сбора дани в течение одного года. Бремя, ложившееся на крестьян в связи с ростом поборов, было настолько тяжелым, что нередко приводило в X—XI вв. к резким социальным столкновениям. Хеймскрингла и отдельные саги сообщают о восстаниях бондов против королей и их людей, о жестоком подавлении этих выступлений, сопровождавшемся уничтожением целых населенных пунктов.

Дань, возникшая еще в условиях общинно-родового строя, по своему происхождению была далека от феодальной ренты, но она стала с ней сближаться⁴³ в тот период, когда все большее число бондов превращалось в лейлендингов, плативших поземельную ренту — ландскюльд — собственникам земель, и когда король стал широко практиковать пожалования «кормлений» (вейцлы) лендерменам и дружинникам. Об этом свидетельствуют многочисленные сообщения в сагах и ряд постановлений «областных законов», так же как и источники XIII века. Присвоение титула лендермена было сопряжено с пожалованием вейцлы.

Передача лендермену права сбора «кормления» отдавала под его власть бондов, населявших данную местность. Среди них были как собственники дворов, так и лейлендинги. При содействии королевской власти лендермен взимал со всех жителей вейцлы⁴⁴ феодальную земельную ренту, и прямое принуждение играло при этом немалую роль⁴⁵.

Король передавал вейцлы в руки лендерменов и дружинников обычно до их смерти, но фактически они оставались во владении знатных семей на протяжении поколений. Тем не менее в X—XI вв. вейцлы по преимуществу оставались округами кормления, не превращаясь в настоящие вотчины-сеньерии: сила сопротивления бондов, в большинстве своем еще сохранивших землю, была слишком велика. Но и не приводя к образованию вотчины, пожалования вейцлы сыграли важную роль в развитии феодальных отношений. Вейцла послужила специфической организационной формой выкачивания из крестьянского хозяйства прибавочного продукта в пользу складывавшегося господствующего класса.

Степень феодализации норвежского общества в X—XI вв., на наш взгляд, можно правильно определить только при условии, если отдавать себе отчет в том, что значительная масса бондов, среди них и таких, которые были далеки от превращения в лейлендингов, находилась уже под властью владельцев вейцл — лендерменов и других слуг короля и платила им своего рода феодальную ренту. Последнее представляет особый интерес: мы убеждаемся в том, что так называемые «свободные» крестьяне Норвегии также подвергались феодальной эксплуатации.

⁴² K. Lehmann. Abhandlungen zur germanischen, insbesondere nordischen Rechtsgeschichte. Berlin. u. Leipzig. 1888; E. Hertzberg. Løn og veizla i Norges sagatid. Germanistische Abhandlungen zum LXX Geburtstag Konrad von Maurers. Göttingen. 1893; O. A. Johnsen. Norges bonder; А. Я. Гуревич. Так называемое «отнятие одаля» королем Харальдом Прекрасноволосым (Из истории возникновения раннефеодального государства в Норвегии). «Скандинавский сборник». II. Таллин. 1957.

⁴³ О превращении кормлений в поземельную подать см. A. Steinnes. Utskyld. «Historisk tidsskrift», 36. bd., 4. hefte. Oslo. 1953, S. 357—359.

⁴⁴ Вейцлой стало называться не только «кормление», но и территория, с которой оно взималось.

⁴⁵ А. Я. Гуревич. Древнорвежская вейцла (Из истории возникновения раннефеодального государства в Норвегии). «Научные доклады высшей школы». Исторические науки. 1958, № 3.

Характер вейцлы стал изменяться в XII—XIII веках. В обстановке ускорившейся ломки отношений земельной собственности и утраты земли широкими слоями крестьянства в руках знати стали концентрироваться довольно значительные владения. Вейцла, по-видимому, в какой-то степени приблизилась по своему характеру к вотчине типа германской *reine Grundherrschaft*. Пути становления крупного светского землевладения в Норвегии этого периода, как уже отмечалось, изучены недостаточно⁴⁶, ибо памятники, рисующие поземельные отношения, принадлежат к более позднему времени. Роль вейцлы в «освоении» феодалами крестьянской земли, по нашему мнению, нельзя недооценивать.

Изложенное помогает понять значение раннефеодального государства в процессе становления феодализма в Норвегии. Вследствие своей сравнительной слабости аристократической общественной верхушке приходилось прибегать к помощи королевской власти для эксплуатации крестьян. В более позднее время, в XIII—XIV вв., связь знати с королем не ослабела, а усилилась: феодалы стали по преимуществу служилыми людьми и чиновниками на государственной службе и по-прежнему значительную часть ренты получали от королевской власти. В этом отношении показательна эволюция ленддерменов. Вплоть до «гражданских войн» второй половины XII — начала XIII в. они в значительной мере сохраняли самостоятельное положение и пользовались большим влиянием в областях, во главе которых стояли, тогда как в XIII в. они сделались носителями высокого придворного титула (вскоре их стали именовать баронами — по европейскому образцу)⁴⁷ и получателями определенной доли государственных доходов, но лишились всякой власти.

Доходы норвежских феодалов, в основном состоявшие из поступлений в виде податей, уплачиваемых лейлейдингами, были все же относительно скромными (мы оставляем в стороне церковь) по сравнению с богатствами дворян в других странах, в том числе в Дании и Швеции. Недаром падение этих доходов, как и поступлений казны, связанное с сильным сокращением населения и хозяйственным кризисом, который начался на рубеже XIII—XIV вв. и обострился во второй половине XIV столетия, после «Черной смерти», явилось катастрофой для большей части норвежского дворянства⁴⁸. Мелкие и даже средние дворяне низведены в экономическом отношении до положения простых бондов и оказались не в состоянии продолжать прежний образ жизни⁴⁹. Потрясение выдержали лишь немногие крупные аристократы, среди которых вскоре стали преобладать выходцы из соседних скандинавских стран.

Отношения между классом феодалов и государственной властью строились в Норвегии несколько иначе, чем в некоторых других странах средневековой Европы. Эта страна не пережила раздробленности и ленного распада, что привело многих историков к выводу об отсутствии здесь феодализма. На самом деле можно утверждать лишь, что феодальное господство над крестьянством в Норвегии было организовано не совсем так, как во Франции или в Германии. Самый же факт феодального господства не вызывает сомнений. Светские и церковные феодалы, не располагавшие такими средствами внеэкономического принуждения, как вотчинный суд, право подвергать крестьян телесным наказаниям, прикрепление их к земле и т. п., возлагали на государство задачу держать

⁴⁶ См. Edv. Bull. *Vergleichende Studien über die Kulturverhältnisse des Bauerntums*. Oslo. 1930, S. 12—14; A. Holmsen. *Problemer i norsk jordeiendomshistorie*, S. 232—233

⁴⁷ K. E. Löfqvist. *Om riddarväsen och frälse i nordisk medeltid*. Lund. 1935.

⁴⁸ Причины глубокого экономического упадка Норвегии в XIV—XV вв. остаются все еще не вполне ясными. См. A. Holmsen. *Norges historie*, I. Bind. 1939; J. Schreiner. *Pest og prisfall i senmiddelalderen. Et problem i norsk historie*. Avhandlinger utgitt af Det Norske Videnskabs-Akademi i Oslo. II. Historisk-filosofiske Klasse. Oslo. 1948.

⁴⁹ H. K o h t. *På leit etter liner i historia*. Oslo. 1953.

в повиновении угнетенных бондов и выкачивать из их хозяйств ту долю прибавочного продукта, которую они сами не были в состоянии отобрать. При посредстве государственной власти господствующий класс получал возможность эксплуатировать крестьян, не находившихся в его прямом подчинении.

Отмеченная нами особенность норвежского феодализма нашла свое выражение и в том, что, сопротивляясь угнетению и притеснениям, бонды обычно выступали против королевской власти и ее чиновников, а не только против отдельных феодалов. Это характерно как для крестьянских восстаний X—XIII вв., в том числе для выступлений крестьян в ходе «гражданских войн» второй половины XII — начала XIII в., так и для народных волнений периода датского господства. На этом основании некоторые норвежские историки утверждают, что восстания крестьян не носили якобы характера классовой борьбы и не были направлены против господствующей верхушки⁵⁰.

После всего сказанного не требуется, по нашему мнению, подробно доказывать, что борьба бондов с государственной властью была вместе с тем и борьбой с феодальной эксплуатацией. В Хеймскрингле, в сагах многократно говорится о прямых столкновениях бондов с королями. Авторы этих произведений вкладывают в уста предводителей бондов угрозы по адресу короля: если он не прекратит притеснений, говорится там, и не будет считаться с народными обычаями, то крестьяне перестанут поддерживать его. Невозможно поручиться за подлинность этих заявлений, но в какой-то мере они отражают действительность. Ведь и в «областных законах», отредактированных представителями королевской власти в XII в., содержатся подобные же угрозы: так, жители Треннелага заявляли, что ответом на нападение короля на усадьбу бонда будет поход против него ополчения всех восьми округов (фюльков) области и убийство нарушителя их прав (F. IV, 50).

В ходе «гражданских войн» второй половины XII в. борьба бондов против феодального государства наряду с открытыми восстаниями принимала форму поддержки тех претендентов на престол, которые стремились свергнуть данного государя. В отдельных частях страны население вообще не желало признавать королевской власти. «Сага о Сверре» рассказывает о жителях пограничных со Швецией областей: они «не знали, кто такие короли — люди или звери».

В подтверждение того взгляда, что Норвегия на протяжении средневековья оставалась якобы страной свободного крестьянства, многие историки ссылаются на существование крестьянских собраний — тингов в областях. Они видят в тингах органы демократического самоуправления, воплощение будто бы народного суверенитета⁵¹. Тинги играли роль народных собраний отдельных районов — фюльков — в дофеодальный период⁵², когда среди бондов сохранялось относительное имущественное и общественное равенство. Но развитие частной собственности и расхождение бондов привели к тому, что в фюльках, а тем более в областях появились самые различные владельцы: от мелкого крестьянина, хозяина части двора, выделенного ему при распаде большой семьи, и лейлендинга, сидевшего на чужой земле, до богатого хавдинга, владевшего десят-

⁵⁰ Например, С. Стеен по поводу книги Х. Кута о крестьянских восстаниях (H. K o h t. Norsk bondereising. Oslo. 1926); S. Steen. Die norwegische sozial- und wirtschaftsgeschichtliche Literatur von 1914 bis 1928. Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 22. Bd. 1929; O. A. J o h n s e n. Norwegische Wirtschaftsgeschichte, S. 68.

⁵¹ A. T a r a n g e r. Alting og lagting. «Historisk tidsskrift», 5. Raekke, 5. Bd, 1924, s. 20—21, 31, 35—36; A. T a r a n g e r. Trondheimens forfatningshistorie. Det Kongelige norske videnskabers selskabs skrifter. Trondheim. 1929, S. 3, 21, 27.

⁵² Лагтинги — тинги областей, имевших общее право и объединявших ряд фюльков, — возникли приблизительно в VIII—X веках.

ками крестьянских усадеб и эксплуатировавшего рабов, вольноотпущенников, держателей и слуг.

Саги рассказывают о многих таких собственниках, которым принадлежали обширные земли и всякого рода движимость, включая крупные корабли и десятки рабов. Они имели возможность устраивать пиры в честь короля с его свитой и делать ему ценные подарки. Эти хавдинги, нередко происходившие из незнатных родов, окружали себя многочисленными дружинниками и домочадцами, во главе которых они посещали тинги.

Записанные в Исландии родовые саги, пестрящие подобными рассказами, отражают не только исландскую, но отчасти и норвежскую действительность IX—XII веков. Как явствует из этих саг, на тингах решающее значение имел голос хавдингов, и их огромным влиянием объясняется единодушие, с которым бонды принимали свои решения.

Для решения вопроса о структуре норвежского общества XI—XIII вв. чрезвычайно важно выяснить, какое содержание вкладывалось в то время в понятие «бонд». В источниках употребляется не совсем определенная терминология: бондом именуется и мелкий крестьянин и хавдинг. В памятниках права все жители фюльков, независимо от их реального положения, называются бондами. Но внимательное изучение саг не оставляет сомнения в том, что под этим именем в них фигурируют преимущественно представители верхушки населения, «крупные бонды» — хольды, знатные люди. Они полноправные участники тингов, они смело разговаривают с королем и его представителями, подчас даже угрожают им неповиновением и расправой; однако ошибочно принимать их за рядовых членов крестьянского общества: за каждым из них стоят домочадцы, а иногда и дружинники, у них есть лейлендинги и рабы, они сидят в нескольких дворах и пользуются поддержкой не менее влиятельных сородичей и друзей.

Таких людей в XI—XII вв. было сравнительно немного. Из «областных законов» видно, что в отдельном фюльке не насчитывалось и дюжины хольдов, но они вершили в своей местности все дела. К сожалению, в сагах больше говорится об отношениях между отдельными стурменами и между ними, с одной стороны, и королевской властью — с другой. Очень немного известно о взаимоотношениях стурменов с простым народом. Эта важнейшая проблема остается, по существу, еще не исследованной. Ясно, однако, что то ее решение, которое предлагала норвежская историография XIX в., рисовавшая верхушку бондов в виде якобы защитников народных интересов, не выдерживает критики.

Вопрос упирается в выяснение того, насколько были дифференцированы бонды и в какой мере в их среду уже проникли отношения эксплуатации.

До сих пор эти явления недооценивались. Между тем, по данным археологии и топонимики, старинные крупные усадьбы, принадлежавшие хольдам и другим богатым людям, зачастую были окружены мелкими дворами и участками более позднего происхождения, возникавшими либо путем переселений из главных дворов, либо вследствие наделения землей вольноотпущенников и слуг⁵³.

Владение крупного бонда в условиях раннего средневековья делалось центром притяжения неимущих элементов. Хольды и другие «сильные люди» становились носителями феодальных тенденций. В других странах Европы расслоение в общине в конечном счете вело к возвышению некоторых разбогатевших ее членов до положения феодалов — при условии, что они смогли приобрести соответствующие сословные привилегии. В Норвегии этот процесс шел медленнее; многие из хольдов, по-видимому,

⁵³ M. Olsen. Farms and fanes of ancient Norway. Oslo. 1926, p. 117, 211, 259; A. Holmsen. Norges historie, I Bind, s. 94—97.

не перешли в ряды дворянства⁵⁴, и, наоборот, после чумы 1348—1350 гг., как уже говорилось, мелкие феодальные собственники оказались не в состоянии существовать за счет резко сократившейся земельной ренты. Если и прежде им нередко приходилось принимать непосредственное участие в сельском хозяйстве, то со второй половины XIV в. это стало их главным занятием, а для исполнения государственной и военной службы они оказались непригодными и в большинстве превратились в бондов. Низшее дворянство испытало сильнейший удар, но верхушка бондов вследствие пополнения ее обедневшими дворянами укрепилась и приобрела еще большее влияние⁵⁵.

Таким образом, высшая прослойка собственников «крестьянского типа», которая существовала во всяком обществе в период генезиса феодализма, но с его победой окончательно расслаивалась на мелких феодалов (министерялов, рыцарей и т. п.) и богатых крестьян, в Норвегии сохранилась в феодальную эпоху. Представители верхушки бондов, оставаясь членами крестьянского сословия, вместе с тем играли в нем роль мелких эксплуататоров беднейшего крестьянства. В этот слой попадали деградировавшие феодалы и разбогатевшие бонды; из него происходили некоторые дворяне и бюргеры; он терял обедневших собственников,— короче, состав его благодаря отсутствию резких сословных перегородок был очень текучим. Но сам этот слой составлял постоянный важный элемент норвежского средневекового общества.

Как видим, развитие феодализма происходило в Норвегии и «снизу» (выделение богатой и влиятельной верхушки из среды бондов; превращение основной массы крестьян из землевладельцев в держателей-лейендингов) и «сверху» (сбор кормлений в пользу короля и господствующего класса, группировавшегося вокруг него; пожалования вейцл). Медленность генезиса феодализма и его своеобразие не должны скрывать от нас того, что главное направление эволюции норвежского общества было таким же, как и в других странах средневековой Европы. Изучение специфики норвежского социального развития, нам кажется, представляет интерес как само по себе, так и для выяснения истории феодализма в других скандинавских государствах, а также в Англии (до нормандского завоевания), ибо в этих странах обнаруживается ряд сходных черт.

Переломным этапом в истории генезиса феодализма в Норвегии явились так называемые гражданские войны — напряженная борьба, охватившая различные слои общества во второй половине XII — начале XIII века. Вопрос о сущности происходивших в то время событий дискутируется в науке вот уже сто лет, и все еще многое остается неясным и нерешенным.

Не вызывает, однако, сомнения причинная обусловленность гражданских войн теми процессами, о которых шла речь выше. Именно в XII в. происходило превращение большинства норвежских бондов из землевладельцев в держателей. На этой основе развертывалась борьба соперничавших королей и претендентов на престол. Большинство буржуазных историков, писавших о гражданских войнах, не проявляло интереса к вопросу об участии масс населения в этих конфликтах. Биркебейнеров, воинов ко-

⁵⁴ Однако вступление выходцев из престолярства в число служилых людей короля имело место и при Улаве Святом (1016—1028 гг.) и в особенности при Сверре (1184—1202 гг.), когда не только поддерживавшая его верхушка населения Треннелага, но и безродные и немущие люди, ставшие биркебейнерами, получали высокие должности и титулы. См. *Sverris saga. Utgitt av G. Indrebo. Kristiania. 1920, k. 35.*

⁵⁵ Cp. H. Kōht. *Verknaden av unionen med Danmark på det norske bondestande. «Scandia», VIII bind, 1935, s. 200—204.*

роля Сверре, добившегося победы в борьбе, эти ученые обычно характеризуют как разбойников и деклассированный сброд, сумевший будто бы оказать влияние на историческое развитие страны лишь потому, что его возглавил такой вождь, как Сверре⁵⁶.

Первые биркебейнеры, как известно, вышли из районов, пограничных со Швецией. Обращает на себя внимание то, что некоторые области Норвегии, в частности юго-восточные, сделались с середины XII в. очагами постоянных мятежей. Утрата все увеличивавшимся числом бондов своих владений и их разорение питали растущее недовольство в стране. Общественное брожение принимало форму неорганизованных нападений на верхние слои собственников. Но в обстановке общего политического кризиса это брожение превратилось в более широкое и целенаправленное антифеодальное выступление. Его и использовал в своих интересах Сверре.

Подобно другим странам Европы в период генезиса феодализма, Норвегия с середины XII в. становится ареной особенно острой классово-вой борьбы, многочисленных выступлений крестьянства, пытавшегося отстоять свое независимое положение, и обездоленных, разоренных элементов, которые не могли примириться со складывавшимися феодальными порядками. В силу того, что в Норвегии процесс феодализации протекал медленно и прослойка крестьян, не подчиненных знати, была особенно велика, борьба норвежского крестьянства против усиления феодалов приняла необычайно упорный и длительный характер и вылилась в активное участие в гражданской войне — в рядах движения биркебейнеров.

В литературе достаточно выяснена социальная противоположность борющихся группировок. Лендермены и знать долгое время поддерживали короля Магнуса Эрлингссона, верхушка бондов Северной Норвегии привела под знамена Сверре массу простонародья. Тем не менее победа Сверре, утвердившего свою власть над Норвегией, не была победой крестьянства и не сопровождалась ослаблением феодалов, как это подчас утверждается даже в советской литературе⁵⁷. Это была победа той части господствующего класса, которая поддерживала политику централизации и пошла на службу к королю.

Усиление королевской власти в Норвегии означало упрочение феодального господства, и крестьяне ответили на него новыми, еще более решительными восстаниями (в Согне в 1184 г., в Вике в 1200 г. и др.). Они были жестоко подавлены Сверре и его преемниками.

Движение биркебейнеров относится к числу тех антифеодальных восстаний крестьянства периода становления феодализма, которые использовались определенными группировками господствующего класса в интересах, не имевших ничего общего с целями крестьян. Это движение все еще ждет всестороннего и объективного исследования и прежде всего изучения вопроса о роли народных масс в гражданских войнах.

Поставленные в статье проблемы нуждаются в дальнейшем изучении. Разрешение вопроса об особенностях генезиса феодализма в Норвегии, как и в других скандинавских странах, способствовало бы, по нашему мнению, более глубокому пониманию закономерностей перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу у народов, не знавших рабовладельческой формации.

⁵⁶ F. Paasche. Kong Sverre. Kristiania. 1920; G. M. Gathorne-Hardy. A Royal Impostor. King Sverre of Norway. Oslo. 1956.

⁵⁷ «История средних веков». Т. I, стр. 498—499; «Всемирная история». Т. III, стр. 691.